
МИР МИРОВ

В. К. КОЛОМИЕЦ

ИТАЛИЯ vs РОССИЯ: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ РЕАЛЬНОСТЕЙ

Россия и Италия длительное время воспринимаются как соотносимые пространственные социальные реальности, выступая друг для друга в качестве концептуального ресурса, элемента внешней среды и внешнего окружения, источника и фактора развития. Эта особого рода взаимосвязь проявляется и в той области исследований, которая рассматривает диалектику «центр – регионы», а также региональные неравенства и региональные полярности. Это особое компаративистское направление сравнительной регионалистики насчитывает уже почти шесть десятилетий своей истории. Настоящее исследование представляет собой историографический экскурс, оценивающий достижения и результаты, полученные отечественными и итальянскими авторами, а также перспективы исследований в данной области.

Ключевые слова: *Россия, Италия, регионы, региональные неравенства, региональные полярности, центр – регионы, сравнительная регионалистика.*

Регионы – пространственная социальная реальность, выступающая в явной или неявной связке с центром – противоположной пространственной социальной реальностью. Конфигурации каждой из них являют собой великое разнообразие, предполагая тем не менее постоянство их основополагающих характеристик с точки зрения уровней и темпов развития.

Центр неизменно ассоциируется с передовым и опережающим развитием, тогда как регионы, нередко обозначаемые теми или иными образными понятиями – «периферия», «провинция» либо, как то было в обиходе нашей отечественной истории, «национальные окраины», – уже по одной этой терминологической условности имеют стойкую репутацию отсталости и недоразвития. Или, в луч-

шем случае – территорий, обреченных на постоянное пребывание в режиме безнадежно догоняющего развития.

Диалектика «центр – регионы», варьируясь, порой весьма существенно, от страны к стране, по праву заслуживает приоритетного рассмотрения в рамках собственно страновой проблематики, то есть в каждой стране по отдельности, со всеми ее специфическими чертами и характеристиками. Вместе с тем, особенно в наше время, в век глобальных взаимосвязей, взаимозависимостей и взаимообусловленности мира, эта диалектика, обладая своими неповторимыми страновыми отличиями и проявлениями, неизбежно соотносится с аналогичными свойствами в других странах и пространственных социальных реальностях.

Бесспорно, исследовательский подход подобного рода, по необходимости оперирующий аналогиями, таит в себе большие риски произвольности, во многих случаях неоправданной или, по меньшей мере, сомнительной, сплошь и рядом чреватой упрощениями. Такие априорные предубеждения не раз возникали, когда объектами сопоставления выступали, к примеру, Россия и Италия – страны, разведенные на значительное географическое расстояние, принадлежащие к разным культурным средам и цивилизационным ареалам, заметно разнящиеся по своему мировому статусу.

Однако, как бы ни были разительны и самоочевидны эти страновые различия, Россия и Италия вот уже длительное время воспринимаются и в нашей отечественной, и в итальянской исследовательской традиции как соотносимые пространственные социальные реальности, выступая друг для друга – и в немалой степени по причине именно тех же самых различий – в качестве концептуального ресурса, элемента внешней среды и внешнего окружения, источника и фактора развития. Эта соотносимость имеет еще и свое региональное измерение, то есть распространяется также на область исследований региональных неравенств и полярностей, рассматривающих диалектику «центр – регионы» и образующих особое компаративистское направление. Его истоки прослеживаются в нашем общественном сознании еще с начала 1960-х гг., со времен оттепели. Оно представлено, в частности, циклом исследований Ю. П. Лисовского, посвященным вопросу Юга Италии (Лисовский 1966; 1979; 1990; 1992; Русаков 1969).

В историографии Италии уже давно принято обоснованно считать, что «южный вопрос», первое упоминание о котором в стенах итальянского парламента относится к 1870-м гг., возник как след-

ствие объединительного движения Рисорджименто – процесса создания единой итальянской государственности, весьма запоздалого по сравнению с другими европейскими странами, растянутого на продолжительный исторический срок. Эта жизненно важная историческая задача во второй половине XIX в. настоятельно потребовала своего решения форсированными темпами, и желанное национальное единство было наконец достигнуто посредством династической войны северного королевства Пьемонта с его южными соседями. Национальное объединение свершилось в результате королевского завоевания – оно присоединило к Пьемонту, уже вставшему на путь передового развития, отсталые исторические области южной и островной Италии (Попов 2017; Santillo, Marino 2021). Последние, с их некогда существовавшими государственными границами, утратившими былой юридический статус, по сути, сохранили свою обособленность в пределах единой национальной государственности. Эти границы, которые современная политическая география обозначает как исторические, фантомные, реликтовые, ментальные (Колосов 2018), по сегодняшний день обладают собственной мерой незыблемости и непреодолимости.

Понятие регионов в Италии и, соответственно, региональной проблематики отождествляется, таким образом, по большей части с южными областями страны, образующими некий единый конгломерат, хотя и имеющий множество признаков внутренней неоднородности (Галкина 2009). Дихотомия «Север – Юг», ставшая для Италии живым воплощением региональных различий, диспропорций, полярностей и неравенств, примечательным образом словно бы предвосхитила одноименную формулу новейшего времени, которой обозначаются эмпирическое деление и раскол современного глобального мира на богатые северные и бедные южные страны.

По своим внешним признакам исследование южного вопроса советскими авторами вроде бы отвечало всем идеологическим канонам своего времени. Действительно, оно делало существенный акцент на феномене отсталости, непреодоленной и, как можно было сделать сколь уверенный, столь и поспешный вывод, непреодолимой на путях капиталистического развития, причем даже в зоне развитого западноевропейского капитализма.

Акцентирование реликтовых форм социальности, имеющих чаще всего неформальный статус, обусловленных отсталыми социально-экономическими укладами и столь же отсталыми, заведомо архаичными политическими отношениями, должно было оттенить

и в очередной раз утвердить преимущества социалистического строя в его версиях реального социализма, по определению исключавших вероятность возникновения в «реально социалистическом» мире чего-либо подобного южноитальянской отсталости. При таком сопоставлении образ капиталистического мира оказывался заведомо скомпрометированным, причем особенно в лице такой страны, как Италия, чья история изобиловала примерами крайних проявлений социального зла – от фашистской тоталитарной диктатуры до самых зловещих форм скрытой и потаенной, а от этого совершенно бесконтрольной и крайне авторитарной власти, по сути альтернативной государственной.

Вместе с тем это были размышления об обществе, относящемся по многим своим признакам к ареалу традиционалистской цивилизации, имевшие, по доверительному свидетельству авторов тех исследований, еще один, неочевидный и аллегоричный смысл, выраженный словно бы эзоповым языком иносказательности. Исследовательский взгляд на Италию из советской социальной реальности был обусловлен еще и стойким убеждением в отсталости, характерной для этой реальности наряду с передовым развитием и в значительной мере далекой от преодоления. По идеологическим условиям своего времени эти концептуальные построения, всего лишь подразумеваясь, до поры до времени не могли быть высказаны открыто. Они были бы по меньшей мере непопулярны: проекция итальянской отсталости на советскую действительность несла в себе заведомую неубедительность.

Действительно, социализм, тем более в ведущей стране социалистической системы, одержавший в ней, как утверждала официальная традиция, полную и окончательную победу, был неоспоримым синонимом передового развития, на путях которого он и в самом деле добился исторически значимых и во многом беспрецедентных результатов. Пусть и выраженная в осторожной форме, сама гипотеза относительно отсталости советского общества, да еще и в ее непозволительном уподоблении классово противоположному, чуждому и враждебному общественному укладу, каковым слыл буржуазно-капиталистический уклад страны на Апеннинах, недвусмысленно оспаривала или, во всяком случае, ставила под большое сомнение преимущества социализма («развитого» социализма!) перед капитализмом, тем более в ведущей стране социалистического мира. Такой исследовательский подход, явно выбиваясь из общего строя идеологической ортодоксии, не мог иметь сколь-либо значимой на-

учной перспективы. Размышления о дуализме итальянского общества, о диалектике техногенной и традиционалистской цивилизаций приветствовались и были позволительны, тогда как подобные концептуальные подходы к осмыслению исторического пути советского общества было сложно себе представить. При всем культе историзма, который пронизывал официальную идеологию, сам процесс формирования советской государственности был сопряжен с остро конфликтным отношением к прошлому своей же собственной страны. Апология прошлого причудливым образом переплеталась с его крайним неприятием, что таило в себе потенциальную опасность исторической делегитимизации государственности. Поэтому, несмотря на очевидность и многомерность региональных неравенств и полярностей, роль и удельный вес традиционалистской составляющей всячески минимизировались. Традиционализм как наглядное воплощение и символ прошлого сплошь и рядом выдавался за нечто маргинальное и преходящее, заведомо обреченное на скорое изживание и преодоление как пережиток этого прошлого. Самое большее, что, скрепя сердце, допускалось идеологической ортодоксией, и то до известного предела, ограничивалось литературными течениями так называемых почвенников или деревенщиков, выступавших с позиций апологии традиционалистского уклада.

Аналогии, выстроенные между итальянской и советской отсталостью, обнаруживали свою заведомую непопулярность, а то и просто уязвимость еще по одной, не менее основательной причине. Информация об Италии, при всей ее скудости, дозированной и тенденциозности, а в особенности прямые контакты советских людей с итальянской социальной реальностью, пусть достаточно редкие и ограниченные в то время, вызывали у них впечатления скорее противоположного характера. Италия ассоциировалась с передовым развитием, а никак не с отсталостью, несмотря на демонизацию явлений южноитальянского традиционализма, на которой зиждилось итальянское направление советской информационной политики.

На то была и еще одна, куда более веская причина. Прогрессирующее оскудение того пласта левой политической субкультуры, который идейно питал реальный социализм, деградация формирующего его политического класса ставили в повестку дня радикальную реформу всей «реально социалистической» системы. Впечатляющие успехи левых сил в Италии, а в особенности коммунистической левой, обладали, даже в сугубо теоретическом плане, боль-

шой притягательностью для той части советской интеллектуальной и политической элиты, которая мыслила ближайшее будущее собственной страны в терминах реформ. Еврокоммунизм, исторический компромисс, демократия с элементами социализма – весь этот совокупный концептуальный ресурс рассматривался ею как тот животворный источник, из которого можно было черпать идеи для успешной реформы реального социализма. Поэтому аллюзия на реликтовые явления советской социальности если и могла быть вычитана из повествования о южноитальянской отсталости, то с огромным трудом и разве что весьма проницательным читателем.

Исходя из этих даже чисто визуальных и довольно поверхностных представлений, отсталость Юга уже к началу 1970-х гг. казалась во многом преодоленной, а окончательное и необратимое решение южного вопроса – делом ближайшего времени. Это оптимистическое мнение имело хождение в экспертном сообществе советских итальянистов, на творчество которых оказывала сильное влияние итальянская научная школа, испытывавшая, как и все итальянское общество, усталость от южного вопроса. И уже первые признаки смягчения этой более чем вековой национальной проблемы как нельзя более располагали к оптимистическим надеждам на ее скорейшее и окончательное решение. К тому же эвристический потенциал концептуальной схемы, утверждавшей дуалистическое строение итальянского общества, обнаруживал свое заметное ослабление. При этом достоверность и убедительность привычных объяснений новых явлений итальянской политической жизни на основе дуализма стремительно снижались.

Оптимизм, прогнозировавший исчерпание южного вопроса, был вполне обоснованным в свете событий всей послевоенной истории Италии: страна успешно преодолела последствия войны в период восстановления, а в конце 1950-х гг. немало удивила мир своим для многих неожиданным экономическим чудом. Его последствия дали о себе знать политическим прорывом конца 1960-х – середины 1970-х гг., отмеченных небывалой социальной активностью масс и, как следствие, успехом левых сил – носителей идей самой передовой и последовательной модернизации страны. К концу же 1980-х гг. при благоприятной экономической конъюнктуре южный вопрос, во всяком случае, в его классических версиях и формулировках, в Италии воспринимался как своего рода историографический реликт, относящийся едва ли не исключительно к истории XIX в.

Век оптимистических сценариев и прогнозов решения южного вопроса оказался между тем весьма недолгим и скоротечным. Вторая республика, пришедшая в начале 1990-х гг. на смену Первой, сметенной чередой коррупционных скандалов, оказалась перед необходимостью иметь дело не только с южным, но и, как чуть ли не впервые выяснилось, с симметричным ему, равноценным и равновеликим северным вопросом, что заметно обострило отношения «центр – регионы». Те же 1990-е гг. в России, памятные существенным ослаблением центра с последовавшим за этим нарастанием центробежных тенденций в регионах вплоть до крайних проявлений в виде сепаратизма, в Италии ознаменовались возникновением популистского движения «Лига Севера», продвигавшего идеи регионального национализма и оспаривавшего правомерность существования единой итальянской государственности (Вялков 2006: 73–88; 2007: 24–37; Баранов 2015: 78–90; Сигачев 2020: 42–62; Bellè 2015: 89–110).

Принято считать, что импульсом к нарастанию социальной напряженности в Италии тех лет послужила советская перестройка, а затем крах реального социализма и распад Советского Союза. Во всяком случае, эти геополитические сдвиги, как минимум, сняли тот психологический барьер, который прежде был сдерживающим фактором региональных противоречий и центробежных эксцессов.

Крах исторических партий, равно как и идеологических конструкций, на которых они длительное время зиждились, секуляризация политики – все эти исторические обстоятельства располагают к сопоставлению и соотнесению российского и итальянского опыта регионального развития (Галкина 2009). Былые идеологические условности и предубеждения, служившие препятствием такому компаративному исследованию, во многом исчерпали себя или отошли на задний план. Теперь, в отличие от недавнего прошлого, можно было непосредственно исходить из признания дуалистического характера общественных укладов России и Италии, в которых длительное историческое время соседствуют, сосуществуют и благополучно уживаются признаки и черты техногенной и традиционалистской цивилизаций. Обусловленные таким дуализмом региональные неравенства и полярности в немалой степени были предопределены сильной централизацией государственного устройства в обеих этих странах; в такой централизации не без оснований виделась гарантия сохранения государственности. Разумеется, в обо-

их случаях эта централизация, а нередко даже и сверхцентрализация, были следствием целой длительно выстраиваемой системы компромиссов между центральными и региональными правящими элитами (Bin 2021; Camerlengo 2021).

Казалось бы, в этих отношениях заведомого неравноправия между центром и регионами именно центр, воплощение модели передового развития, должен был удерживать позиции неоспоримого лидерства и доминирования. Между тем подобная логика отношений центра и регионов, взаимодействия моделей передового развития и системного отставания выдерживалась лишь отчасти. Отсталые, анахроничные, реликтовые формы социальности, глубоко укорененные в итальянской традиции, обнаруживали поразительную живучесть, способность к выживанию, а главное – способность к сращиванию с реальностью передового развития.

В данном отношении Италия являет собой хрестоматийный пример и своего рода точку отчета при рассмотрении аналогичных, сходных и подобных явлений социальности, порожденных диалектикой передового развития и системного отставания. Длительный период территориальной раздробленности Италии (а он охватывал без малого Средневековье и изрядную часть Нового времени), автаркическая обособленность и замкнутость ее отдельных территорий вели к тому, что официальная власть в восприятии общественного мнения, сколь ни мало оно могло значить в ту пору для правящей элиты, обладала хроническим дефицитом легитимности. Заведомая слабость этой власти, нередко чужеземной по происхождению, а потому слывшей в людском сознании чуждой и враждебной, еще с незапамятных времен Средневековья компенсировалась посредством альтернативных и неформальных властных практик.

Эти властные практики и структуры, имевшие региональное происхождение, никоим образом не претендовали на признание со стороны официальных властей, которые в силу своего авторитарного менталитета не допускали и мысли о возможности поступиться монополией своего властного ресурса. Неформальные сообщества и институты власти, лишённые каких-либо признанных и узаконенных функций социального представительства, оказывались вне закона, а их деятельность приобретала ярко выраженный криминальный характер. Классическим тому примером является криминальное сообщество, возникшее на Сицилии и известное как мафия (Lupo 2018; Cardano, Panzarasa 2018). Оно заслуживает осо-

бого упоминания, поскольку понятие «мафия» стало нарицательным, используясь вплоть до сегодняшнего дня для обозначения криминальных сообществ подобного рода уже далеко за пределами не только Сицилии, но и самой Италии. Политические отношения в стране несли тяжкое бремя обусловленности откровенно мафиозными принципами, методами и способами реализации власти, которые зачастую диктовали правила игры демократическим институтам, имевшим репутацию едва ли не самых передовых и совершенных во всей Западной Европе.

Такие альтернативные системы власти, первоисточником которых, как правило, являлись отсталые формы социальности регионального происхождения, с течением времени набирали вес и влияние на общенациональном и транснациональном уровнях, и были уделом отнюдь не только Италии. Они властно заявляли о себе в самых разных регионах мира и пространственных социальных реальностях с их весьма несхожими уровнями общественного развития, характером политических отношений и особенностями политической культуры. Этой печальной участи не избежала и постсоветская Россия, начало новейшей истории которой было отмечено состоянием выраженной переходности, особо благоприятным для активизации подобных реликтовых форм социальности. Дефицит управляемости в стране, наряду с сомнительной легитимностью правящей элиты нового призыва, был восполнен возросшим влиянием альтернативных, неформальных и нелегальных структур власти.

Опыт многолетней итальянской истории, сформированный практиками фактического двоевластия, то есть сосуществования почти на равных формальных и неформальных институтов власти, оказался тем источником, из которого возникла вполне убедительная объяснительная схема новой социальной реальности постсоветской России. Проекция итальянских реалий на реалии отечественные облегчалась сравнительно неплохой осведомленностью советских людей о феномене итальянской мафии. У нас о нем стало известно еще в советские времена, главным образом из произведений итальянского кинематографа, нашедшего в нашей стране своего благодарного зрителя. Борьба против мафии, этого тяжкого социального зла, зачастую неравная, но всякий раз героическая и исполненная самоотверженной жертвенности, искренне сопереживалась советским зрителем, обладавшим острым чувством социальной справедливости. В свете даже столь скромного опыта, почерпнутого из произведений художественного кинематографа, многие явле-

ния постсоветской действительности обладали в глазах постсоветского человека свойством узнаваемости.

Более того, эта узнаваемость многократно усиливалась вследствие больших издержек информационной политики недавнего времени и самого уровня развития информационного общества эпохи развитого социализма. Эффект информационной автаркической замкнутости, в режиме которого пребывал советский человек, возымел прямо противоположные последствия. Такого же рода последствия возымели культивируемые в течение многих лет оптимистические прогнозы относительно невозможности возникновение на нашей отечественной почве явлений, подобных итальянским криминальным сообществам, поскольку социалистический общественный организм якобы обладал мощным иммунитетом, надежно защищавшим его от социального зла подобного рода. И как раз от этого разительность сходства между Италией и постсоветской Россией проступала еще рельефнее и убедительнее. Открытие, сделанное постсоветским человеком после прорыва информационной блокады относительно наличия в его стране альтернативной системы власти, было для него поистине шокирующим, поскольку в советское время осведомленность рядового гражданина об этой стороне жизни была минимальна, фактически вообще отсутствовала. Между тем обнаружилось, что, как и в Италии, социальный источник альтернативной власти имел по большей части то или иное региональное происхождение с выраженными признаками отсталости развития. Также обнаружилось, что чуть ли не в большей степени, чем в Италии, эта альтернативная власть возымела способность решающим образом определять динамику развития, во всяком случае, широковещательно возглашенного.

Выведенная таким образом общая объяснительная схема может быть подтверждена и детализирована на основе конкретных эмпирических исследований. Первый успешный опыт в этом отношении представлен в работе С. В. Кондричина (2008), обосновавшего сходство в проявлениях региональных неравенств и региональных полярностей в начале XXI в. между севером и югом Европейской части России, с одной стороны, и регионами Италии, северными и южными, – с другой. Это исследование, построенное на основе сравнительного анализа социокультурных, этнокультурных, медико-биологических и геофизических показателей, открывает перспективу для более широкого компаративистского изучения про-

странственных социальных реальностей России и Италии, в том числе и в их региональном измерении.

Литература

Баранов, А. В. 2015. Сепаратизм в современной Италии: факторы развития, институционализация, политические стратегии. *Человек, общество, управление* 16(1): 78–90.

Вялков, Ю. А.

2006. Лига Севера и ее планы регионального переустройства Италии. В: Швейцер, В. Я. (отв. ред.), *Между сепаратизмом и автономией. Региональные и этнические партии в европейской политике*. М.: Огни ТД; Ин-т Европы РАН. С. 73–88.

2007. Проблема регионального национализма в Италии (последняя четверть XX века). *Новая и новейшая история* 6: 24–36.

Галкина, Т. А. 2009. Италия постиндустриальная. В: Синцеров, Л. М. (ред.), *География мирового развития: сб. науч. трудов. Вып. 1*. М.: Ин-т географии РАН. С. 565–581.

Колосов, В. А. 2018. Фантомные границы на постсоветском пространстве. В: Колосов, В. А. (ред.), *Российское пограничье: вызовы соседства*. М.: ИП Матушкина И. И. С. 183–199.

Кондричин, С. В. 2008. Дифференциация социального пространства России и Италии: историческая обусловленность явления. *Социологический журнал* 1: 73–83.

Лисовский, Ю. П.

1966. *Сельское хозяйство и крестьянское движение в современной Италии*. М.: Наука. 256 с.

1979. *Южный вопрос и социальные конфликты в Италии. Опыт экономико-социологического исследования*. М.: Наука. 376 с.

1990. *Италия: от фашизма к демократии. Трудные пути послевоенной перестройки*. М.: Наука. 286 с.

1992. Социокультурные предпосылки модернизации (Послевоенная Италия). *Полис. Политические исследования* 5–6: 167–175.

Попов, Д. И. 2017. Италия во второй половине XIX – начале XX в.: на пути к регионализованному государству. *Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки* 4(16): 13–21. DOI: 10.25513/2312-1300.2017.4.13-21.

Русаков, Н. П. 1969. *Из истории сицилийской мафии*. М.: Наука. 179 с.

Сигачев, М. И. 2020. Между регионализмом и панитальянским национализмом: правый популизм Лиги Севера. *История и современность* 3: 42–62. DOI: 10.30884/iis/2020.03.03.

Bellè, E. 2015. From Territory to Community. Inside the “Black Box” of the Lega Nord’s Populism. *Etnografia e ricerca qualitativa* 1: 89–110. DOI: 10.3240/79642.

Bin, R. 2021. Il filo rosso della dialettica tra unità e autonomia: ieri, oggi, domani. *Le Regioni* 49(1–2): 41–55. DOI: 10.1443/101361.

Camerlengo, Q. 2021. Unità e autonomia: una questione di indirizzo politico. *Le Regioni* 49(1–2): 57–69. DOI: 10.1443/101362.

Cardano, M., Panzarasa, M. 2018. Mafia, fra biografia, storia e politica. *Rassegna Italiana di Sociologia* 1: 171–184. DOI: 10.1423/89780.

Lupo, S. 2018. *La mafia. Centosessant’anni di storia. Tra Sicilia e America*. Roma: Donzelli. 416 pp.

Santillo, M., Marino, A. 2021. La questione delle diseguaglianze e dei divari socio-economici nella storia italiana dalla fase post-unitaria alla fine dell’intervento straordinario. *Rivista giuridica del Mezzogiorno* 2–3: 469–485. DOI: 10.1444/100992.